

Н Е И З Д А Н Н Ы Й

Кружёных

Л И Р И Ч Е С К И Е

Ц И К Л Ы

1 9 3 2 - 1 9 4 9

Алексей Крученых

**Алексей Кручёных. Лирические
циклы. 1932–1949**

«Гилея»

1932-1949

Крученых А. Е.

Алексей Кручёных. Лирические циклы. 1932–1949 /
А. Е. Крученых — «Гилея», 1932-1949

ISBN 978-5-87987-323-8

Издание «Алексей Кручёных. Лирические циклы. 1932–1949» (серия «Неизданный Кручёных») включает архивные стихотворные циклы, созданные поэтом в период, когда он был практически исключён из официальной литературной жизни. Публикуемые тексты отражают специфику позднего этапа творчества А. Кручёных: развитие постфутуристических стратегий, трансформацию зауми в новые лирические структуры, а также работу с языком как с материалом для постоянного эксперимента. Подготовка издания, комментарии и примечания выполнены С. Кудрявцевым. Иллюстративный ряд дополняет историко-литературный контекст. Публикация этих циклов существенно расширяет представление о поэтической эволюции Кручёных и о формах существования авангардного письма в 1930–1940-х годах

ISBN 978-5-87987-323-8

© Крученых А. Е., 1932-1949

© Гилея, 1932-1949

Содержание

От составителя	8
Косой дождь	9
Холод на пароме	9
«Рембрандт – светотень...»	10
«Так, голая техника?..»	11
«Пройдут огурцы, помидоры...»	12
«Косой дождь...»	13
Книга ирианная	14
«О, Настя, Настя!..»	15
Приступ дерзкий	16
«Мы не астрономы, Ирина!..»	17
«Ирина, Ни грамма прокисшего маргарина!..»	18
«Лунная хвоинка, Ирина!..»	19
«Зачем езда в далёкие края...»	20
«Исстари поэты были нищими...»	21
«Легкорукая Ирита...»	22
Любовь тифлисского повара	23
Печальный рыцарь	24
Бандит-сладкоежка	26
«В лицо крупье...»	28
Детские страхи	30
Уныние	30
Разочарование	30
Раздор	32
Эпилог	33
Весна аллегри	33
«И вдруг из дрязга чёрных туч...»	33
Сон	33
Остановка	34
«Друг, ты знаешь ли...»	34
Дополнение к «Книге ирианной»	35
«Без шума бегущая по волнам...»	35
«Я теперь знаю, зачем по ночам	36
«Уж третий год...»	38
«Вечером малярные зори...»	39
«Ну да, я раб ленивый и лукавый...»	40
Ирина Ирод на Днепрострое	41
Мелочи жизни	42
«Разве мои слёзы и всякие мелочи жизни...»	43
«Поставщики просахаренного алкоголя...»	44
«Зарядка без конца!..»	45
«Тигрятник ловкий, берегись!..»	46
Стихи Татьяне	47
Вступление	47
I	48
II	49

III	51
IV	52
V	53
VI. Ледяная разлука	54
VII. Разлука на пустырях	55
VIII. Разлука-гром	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Алексей Кручёных
Лирические циклы
1932–1949
Сборник стихов

© Книгоиздательство «Гилея», составление, подготовка текстов, комментарии и примечания, 2025

* * *

От составителя

В этом выпуске «Неизданного Кручёных», следующем за изданием поэм, публикуется несколько составленных автором стихотворных серий, которые были обнаружены в архивных фондах. В него не вошла довольно большая подборка текстов «Ирина в снегу» (1931–1933), до конца не выстроенная и содержащая целый ряд недоработанных, а также случайных вещей (к тому же она частично пересекается с воспроизводимой здесь «Книгой ирианной»). Отдельные стихи из двух разных её вариантов будут добавлены к нашим следующим публикациям. В свою очередь, в сборник не удалось включить машинопись «Стихи Ирине» (1932), хранящуюся в Государственном музее В.В. Маяковского. На просьбу с ней ознакомиться мне и моему коллеге был дан отказ, обоснованный тем, что «материалы Кручёных закрыты для доступа исследователей, так как попадают в сферу научных интересов музея». Остаётся надеяться, что спрятанные от посторонних глаз автографы рано или поздно будут изучены и обнародованы – либо сотрудниками этого учреждения, либо кем-то ещё. Впрочем, немалое количество разных «Иринных» стихов мы нашли за пределами упомянутых циклов – они также будут напечатаны в ближайшем выпуске.

Когда сборник был уже сформирован, в одной из многочисленных рабочих тетрадей поэта мы наткнулись на несколько черновых записей мая 1932 года, объединённых общим названием «Косой дождь». Название этого лаконичного и сочинённого почти мгновенно поэтического цикла перекликается с известными строками Маяковского, а его содержание отражает идейные противостояния тех лет. «Косой дождь», появившийся буквально на переломе литературных эпох, и открывает нашу книгу.

С. К.

Косой дождь 6 стихов

Холод на пароме

6 утра
6 стихов
6 минут творенья!
Перестаёт гонг,
обрушиваются
у крепыша
туманные¹ нервы!
Я знаю одно
(для заметки!):
как скрипят позвоночником
переправы весенние!..
Тре-те-те
ти-ти-ти —

¹ Вариант: потолочные.

«Рембрандт – светотень...»

Рембрандт – светотень,
Гойя – напряжённый ужас
(регистратор сокровищ чужих!!)
Домье – ^{люди}/фигуры змеистые.
Только форма жива² —
зеленеют ярчайшие
листки!
Если форма вял а —
не спасут её
никакие марксизмы!
Так я,
запершись в ^{сундуке}/пустоте
заостряю
косые рифмы!
Пусть и меж
растут мои книги!

² Вариант: едина.

«Так, голая техника?..»

Так, голая техника?
Бунт? анархизм?
Но вот что чудно:
глядите, сейчас
выпалзывают перед вами
белоголовые³ бандиты:
бесконечные вбоды Бальмонта.

³ Вариант: белогвардейские.

«Пройдут огурцы, помидоры...»

Пройдут огурцы, помидоры,
коровы.
Кролики тенью проскачут...
Единое прочно:
новые формы
навсегда⁴ осветят
тёмные здания.⁵

⁴ Вариант: в ночь.

⁵ Вариант: задачи.

«Косой дождь...»

Косой дождь
весенних рифм —
за ним
в разлив
бурлящее солнце.
Смотри, разиня, —
образца
не увидишь
тоньше!..

Книга ирианная Лириника 1932–1933 гг.

«Книга ирианная». Титульный лист (РГАЛИ, фонд А. Кручёных)

«О, Настя, Настя!...»

О, Настя, Настя!
Забудь и не зови.
И не тащи меня
на ложе страсти,
именуемое
кобыла любви!

Уже вторую неделю
я в мыслях об Ирине
горю и холодею...

Приступ дерзкий

Ради сердца кремнистого
разгорайся сильнее,
острее гори,
моих мыслей
криминалистика.

Пускай, Арина,
в твою ноздрину
выжжется
огнистое кольцо
нашего колюче-дикарского монисто.
Для твоих глаз,
распухших до ужаса,
всю ночь
водьём, ледоломом,
чесоткой
мозги мои пучатся, —
и всё зазря!
Браслетки – к чёрту!
Всё, Ирина, для тебя, Ирина,
бессмыслица,
и всё, Ирина, не нужно,
как вышедшая, Ирина, из моды, о, Ирина,
на Петрине
дважды и трижды
витрина-смотрина
тряпья...

«Мы не астрономы, Ирина!..»

Мы не астрономы,
Ирина!
Только на рассвете
после бессо[нной] ночи
с нами разговаривают звёзды.

Сирена!
Только перед смертью
мы слышим твой голос —
рокочут высокие гимны.
Ирита!
Что же нам делать,
если оба погибаем
от острых нарывов
бессонницы,
и не выносим
пыльного топота
суесловия?!

«Ирина, Ни грамма прокисшего маргарина!..»

Ирина!
Ни грамма прокисшего маргарина!
Никаких дьявулей!
Дон-Жуан – издохни!..
Эй, рыцарь, главарь и главбум —
держись.
Ягодишку эпизода
не превращай —
в жизнь!..

«Лунная хвоинка, Ирина!..»

Лунная хвоинка, Ирина!
Занозив глаз,
взъерошив подушку бессонницей,
из зубовного скрежета,
треска искр,
тон-чай-шей строчкой,
как галстук крепдешиновый,
я расшил для тебя
ин-ди-ви-ду-аль-ней-шу-ю книгу!
Читай
в лимонный засос
это
единокнижие Иринное!

«Зачем езда в далёкие края...»

Зачем езда в далёкие края,
когда Иран миров
чудес Арина здесь?
Её планетно-ясные глаза
насторожённое,
чем первой осенью
в тигриных пятнах
лес.
И где она —
 дремучий чукча,
 самум араб
 и могикиан айнос.
Разбейте гордые витрины!
Носом в осколки вопьётесь...
Это не сахар и не картошка:
на целый мир —
одна Ирина!
Какое ж, к чёрту,
тут планирование!
На талон не достанется
и одного
завиточка.
Взревела вся очередь:
– Ира
 брюхатому жиру
 забронирована!
...

О, муки ада!
Пытка подкопытная.
Вот тебе и декада
нового быта.

«Исстари поэты были нищими...»

Исстари поэты были нищими,
камзолы в золоте —
им не к лицу.
Зато как строчки блещут —
таких червонцев
не увидеть
первогильдейскому купцу!
Ирина! не презирай
за обжитой рассеянный костюм
и за слова
без грома и литавр.
Я птичке серенькой
отнёс фантазию и ум!
Весь трепещу...
Через мосты застывших рек
отчаянный болтун!

«Легкорукая Ирита...»

Легкорукая Ирита,
помоги!
Средь пасмурных пиров
ещё раз обмануть
голод, чуму и войну
– злючую троицу скелетов! —
поиздеваться над безносим бессмертьем,
и когда
всем объемся —
капут!
Сквозь зубы
Ирина цедит в ответ:
– Не говорите глупостей!

Любовь тифлисского повара

Ирико!
Твой взор и снеговые бури
острей, чем с барбарисом абхазури.
Душистей молодого лука
сверх шашлыка.
Но, как имбирь, моя любовь
горька,
Чихаю! Сам не свой!
Ррррыдаю —
потерял я запах вкусовой!
Страдаю,
как молодой Вертер,
язык мой — голый дьявол —
скоро попадёт на вертел...
Весь преysкyрант рассыпан...
Прощ-щ-щай!
На 30-м году
моей горючей жизни
пропищали
кулинарные курсы,
диплом пищевой...
Шен генацвали,
шен чиримэ,
Мэримэ!
Из моего сердца
ты выдернула все коренья —
ПРА-ЩАЙ!
К твоим заграничным чулкам
бросаю бокал с колбасой
и утопиться
бегу в Куру —
са-авсем босой!

Печальный рыцарь

Израненный... распухли дёсны...
Во рту – провал...
В десятый раз
волшебный пью бальзам —
меня тошнит...
блюю на бороду оруженосца,
А тот
в моё лицо —
всех тухлых рыб
из желчного колодца...
Но я свиреп, как мавр, упрям,
чудесный восхваляю бальзам,
беру оружие,
пришпорив Росинанта,
опять спешу
за честь
светлейшей дамы
с рогатым стадом рыцарей
бороться.
Но горе, мрак и грех!
Потерянный ребёнок!
Я вижу: рыцарей там нет,
и лишь уныло
блеют овцы...

Так я за честь Иринью
с презренным родом торгашей
сражаюсь яростней,
чем рыцарь «Мяу-мяу».
Насмешник злобный:
– Ату!.. Ирины ветряные!
Щербатый тазик – щит!
Во щах петушки перья!
Ха-ха!
Подмылок подлый, брадобрей!..
– Охальник!
Твои я с корнем вырву кукиши
И брошу в суп мадонне! —
Но в хохоте
проклятый испаряется...
Меня коробит желчный тик,
с коня я падаю под стул, —
всё в той же комнате
всё тот же бред
вчерашний!

Ирина!
Поэмы рву
– пиф – раз!
Летят листки,
как грязный пух
из пропасти растер-р-занной подушки...

Бандит-сладкоежка

Космач, чудовище,
лесной упырь
ползёт за хрупким мёдом
в слезинках восковых.
Неслышкой к дереву подкрался,
помеху оттолкнул, —
глаза
в дупло, —
как вдруг
безносое бревно
– гроб! —
хранитель липовых сокровищ
с размаху
по лбу
чмок!
Упырь упрямой лапой
прочь сучок.
Горячий нос пришили на сосну,
как нежный сон,
в бреду,
ему уж видится Берлин
– столица медведей! —
Но близок верный часовой
и враз
тяжёлым обухом в висок
колода вбила клин!
Рык, визг,
тыща искр, —
сластён несчастный
снопищем рухлым,
роняя клочья, брызги,
свалился вниз...
Наказан бандит-сладкоежка,
за кудрявым вареньем полезший.
Преждевременно остановилось
артерий колесо...
И снова —
липовый воздух,
липовый сок,
а Мишка – злосчастный —
хо-лод-ный
лежит,
разинув висок...
Ирина!
Меня также

в разгаре надежды
подрежет
под сердце
твой острый локон —
золотой волосок!
Но, видишь, я
— сплошная сдержанность —
до последней секунды,
зажав кровавые корчи,
сизу в Моссельпроме,
тяну из ковшика
твой гибельно-сла-а-адостный
медовый
квасок.

«В лицо крупье...»

В лицо крупье
под свист колёс
любовник верный охнет:
лучше проигратъся, как Крёз,
чем выиграть
мелочь и погань.
Шуршанью золотой подвязки
он предпочитает —
в полубомороке, —
шушуканье
тревожных
и-ри-ти-ческих звёзд...

И. Терентьев. Портрет Ирины из кн. «Ирониада» (1930)

Детские страхи

Уныние

На полотне дорог
среди чугуна и стали
глядит затерянный цветок
последний и печальный,
и росту – с ноготок.

На чёрном призраке дорог,
где горы чугуна и стали,
возрос какой-то хилый
цветочек обезьяний.
Он скис и он продрог...

Так песни об Ирите —
капризный хлюп и труд,
пугливый детский вытеск —
как тени пропадут
в прогоркнувшем корыте.

Разочарование

*Шут несносный!
Ты не примус,
ты не Надсон —
брось Аришку,
брось стараться!..*

Врага
разжалобить можно
брыз-з-гом золота,
изысканной искренности
поддаётся друг,
а для тебя, Ирина,
нарядных платьев ворохи,
какие урано-платиновые горы
нужны
ума, бессмертья и услуг?
Или постричься мне
у лучшего портного
по-модному гладко причесать сюртук,
и в царство рыхлое,
ковровое,

зарыть свой грубый
первобытный рык?
Укажи каратные⁶ краски
каких поющих кинокартин
смогут напоить до отвалу
твои ночные ресницы?
Какие новые пластинки,
крикливые выплаки
Шевалье, Джек Смита и Вертинского,
какого сви-стя-ще-го сфинкса
надо приворожить для тебя
из-за границы?
Скажи,
швырни заказ, —
и завтра на Торгсин
в скользких салазках
перевезут наличность
всех
влюблённых сил! —
Взмах помела ресниц,
краткий ответ Ирины:
– Пр-р-редпочитаю синиц!
Пять
светлооких комнат
квартиру!

Февраль 1932 г.

⁶ Вариант: какие.

Раздор

Это совсем не ты,
это не твои глаза,
это мои раскалённые мечты,
моя вечерняя тоска.
Ирина!
Ты только холодная глина,
куда скатилась проперчённая слеза.
Ирита!
Ты пучеглазая рыба,
избледнелый на прилавке карась,
чёртова склянка,
морская свинка...
И ещё придумаю
сотню ругательств!

Но раньше часу
опять я на буксире —
к вечерней вахте
зыбь улеглась.
Когда, в меня уставясь,
светом брызнул
троллейбус синий,
всеукротитель
Иритин глаз!

Эпилог

Весна аллегри

Госзайма
тираж 7-й,
выиграл

1800
Сверхдоход!
Золотой клад!
Путешествуй год.
Забудь все боли.
Помни Ирину,
рваные строки,
не езди в Ригу,
объезжай Монте-Карло,
чтоб судьба не карала.
Знай – работа легка,
зелёный трамвай,
солнечный лоб,
облаков футбол...
Жизнь – высока!

«И вдруг из дрязга чёрных туч...»

И вдруг —
из дрязга чёрных туч —
смех, синь, ясь.
Вся весенняя и золотая
Дружба,
словно паром залитая,
всехсветный
за тебя
проголосует пролетарий.
Брюзглий и железный
в синеве растаял ставень
и над нами прошумела
иритёнков стая!

Сон

*Не кори меня за сон,
За горячие слова —
Я во сне силен, как слон,
Попутру — совой сова.*

– О, дайте, дайте мне «Рекорд нежности»,
Дайте мне «Рождение второе», —
говорила Катерина
поцелуев между,
а шёлковая рубаха
была самого прозрачного покроя!

Остановка

Сбежавшая буква «ять»,
варюсь в котле любви,
не надо мне иное знать,
не надо мне
костров других.

Жизнь — прозрачней розового шёлка,
жизнь — нежней ирианских глаз.
Так проходят дни мои втихомолку,
так веселюсь
в последний раз...

«Друг, ты знаешь ли...»

Друг,
ты знаешь ли,
знаешь:
теперь,
в связи с урожаем,
нам
всю жизнь
ирин ина
без карточек.
Поздравляю!..

Дополнение к «Книге ирианной»

«Без шума бегущая по волнам...»

Без шума
бегущая по волнам
Ирина – Фрези Грант.
Звёзды лучатся
 в синих твоих абажурах
и зовут
 в вышину
 всегда радостную.

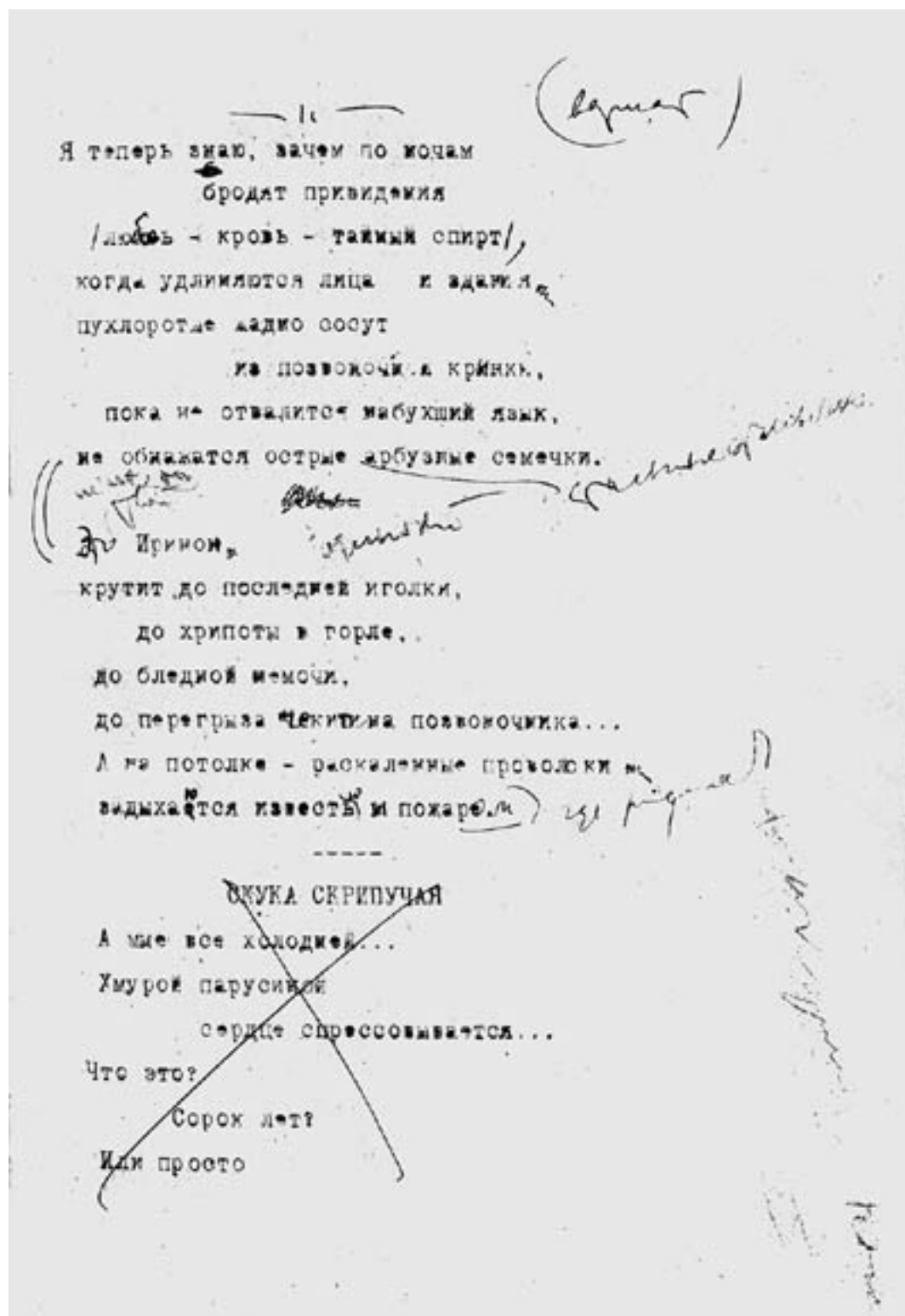
Ирина!
 Ты слышишь,
 как волны над нами
 журливо
 переливаются.

Неистребимо и без суеты
любовью непреклонною
сияют лучистые...
Никуда не торопись,
когда строчки сочатся
набухающими искрами.

Это тебе
 не гранёные жёлуди Мандельштама
 или прокисшее
 желе Северянина.

«Я теперь знаю, зачем по ночам бродят привидения...»

Я теперь знаю, зачем по ночам
бродят привидения
(любовь – кровь – тайный спирт),
когда удлиняются лица, и здания
пухлоротые жадно сосут
из позвоночной крынки,
пока не отвалится набухший язык,
не обнажатся острые стальные отмычки арбузные семечки.
Это твой одинокий Иринок
крутит до последней иголки,
до хрипоты в горле,
до бледной немочи,
до перегрыза Чекитина позвоночника...
А на потолке – раскалённые проволоки
задыхаются известью и пожаром.

«Я теперь знаю, зачем по ночам бродят привидения...» (РГАЛИ, фонд А. Кручёных)

«Уж третий год...»

Уж третий год
хитрейшим именем Ириатики,
содравши ногти,
великий ОГРАБ,
я подбираюсь к сейфу —
хранителю синего
сорокакаратника!
Сероглазку – хап.

«Вечером малярные зори...»

Вечером
малярные зори
языком хвостатым
испепеляют три четверти мира.
После казни —
крошечная тьма.

И тогда
приходит на ханство
под душным халатом —
Арина, Ирена, Ира,
как Пушкин,
зима
и чума.

«Ну да, я раб ленивый и лукавый...»

Ну да, я раб ленивый и лукавый,
всё п[отому] ч[то] раб.
Когда ж разыграет равенство
и сгинут в пропасть
все катастрофы, —
верней не будет взгляда!

Но всё ж я тёмный раб,
на мне клеймо,
своё собачье место знаю,
и никогда на праздники
вдвоём по солнцу-улице
мы не пойдём,
всегда гляжу
обманутым лабазником...
И только ночью
горю перегаром и не сгораю⁷
непобедимым
подпольным огнём.

⁷ Рядом вписано нрзб. слово – вариант или коммент.

Ирина Ирод на Днепрострое

Ирина, любимая до того,
что когда наступила
на плотину
бешеному Днепру, —
вероятно, казалось,
что виновата ты,
а не Виктор.
Потому что — ты,
Иритик, развратница,
соблазнительница,
профессионалка, —
ты здорово
это сделала.
Помнишь —
ветром сшевелинуло шляпёнку,
и тогда гремучий кран
изысканно выгнул
ферму,
избоченился
кавалером,
преподнося летунью,
сдувая брызги...
СТОТОННЫЙ.
И снова
набряк громадой металла.
Это такая вещь,
столькая тяжесть,
что сто тонн Арин и Маришек
вместе
рядом
ничего не весят...

1932 г.

Мелочи жизни

Как трудно зверя перестроить!⁸
Тоску по драке
я⁹ вздумал заменить
азартною игрою, —
но оказалось
хуже
второе, —
рубились до утра.
И я теперь, как тень,
пластом,
и грудь скребут и давят
бессонница и проигрыш...
В тоске нарывно
к тебе я всё ж на четвереньках
приблизился, не смея, Ариша!

⁸ Вариант: накормить.

⁹ Вариант: ты.

«Разве мои слёзы и всякие мелочи жизни...»

Разве мои слёзы
и всякие мелочи жизни
можно сравнить хотя б с Днепростроем?
А всё же они мне близки,
они мне очень дорого стоят.
Вот об этом и будут мои книжки —
вне плана, госсмет,
п[отому] ч[то]
дело слишком пустое¹⁰,
как всякая тоска человечья...

¹⁰ Вариант: Какое дело [2 нрзб.], // до нервных изжогов.

«Поставщики просахаренного алкоголя...»

Поставщики просахаренного¹¹ алкоголя,
– альков и адюльтер, —
Стендаль, Бальзак, Золя —
в прогорклом социальном¹² масле,
Де Сад и Казанова —
враз это вовсе о-натюрель,
язвой трюхнет[?] —
кому францужков этих перегнать?
Однако и у нас
зуд арь старейший
накапал сотню строк
на [нрзб.] рококо-каратов
с фрейдистской патокой
и самой паюсной страстишкой¹³.
Поэма – для избранников,
и прозывается:
«О женщине, что с болью выдирает брови
и бреет волосы подмышкой»!

¹¹ Вариант: крющонного и [нрзб.] упаренно-варёного.

¹² Вариант нрзб.

¹³ Рядом на полях написано: хризантомик.

«Зарядка без конца!...»

Зарядка без конца!
Аккумулятор нежный,
ты зажгла меня стихами
на пятигранные недели
и тысячу рассказов
в косую сажень!
Подстреленным волком верчусь
и не знаю,
как с ним управиться,
с этим буйно вьющимся садом.

«Тигрятник ловкий, берегись!..»

Тигрятник ловкий, берегись!
В тайге друзей
под гримом валежника
на невидимках троп,
как на зверей,
наставлены —
капканы,
самострелы,
нарыты крючковеру ямы, —
во исполнение закона строгого:
человек человеку клоп!..
Ир! Что же нам делать
и какой ты мне подложишь боб?!

Стихи Татьяне Лирическая суматоха

Вступление

Щедро возвращённая
на поэтических баштанах,
на дружеских гаданиях,
глядит первовидением
гордою колонною,
по небу фатаморганю
стремглавно пролетает
в свою пещерную обитель
колдунья Танахара – Танька.

1948 г.

I «В старину, как пламя...»

В старину,
как пламя,
отчаянные парни —
усачи-гусары; дуэлянты,
мрачнолохмач Грушницкий,
ре-мон-тё-ры,
издеваясь над курносой,
без аркана, без седла,
схватив за вздыбленные гривы,
усмиряли
 пугливо-диких кобылиц
 из степных табунов.

А я,
о-ди-нѣ-ше-нек,
на всѣм скаку
набрасывал узду
на полчища и своры
сожравших свет
промозглых прошляков, —
но – нет той *громовержной* славы
и тех,
от девушек,
рукоплесканий и венков...

Что делать мне?
Куда идти?
И как вернее залучить
ветроволосых божков?
В какой вертеп
 излить
 кипящую любовь?!

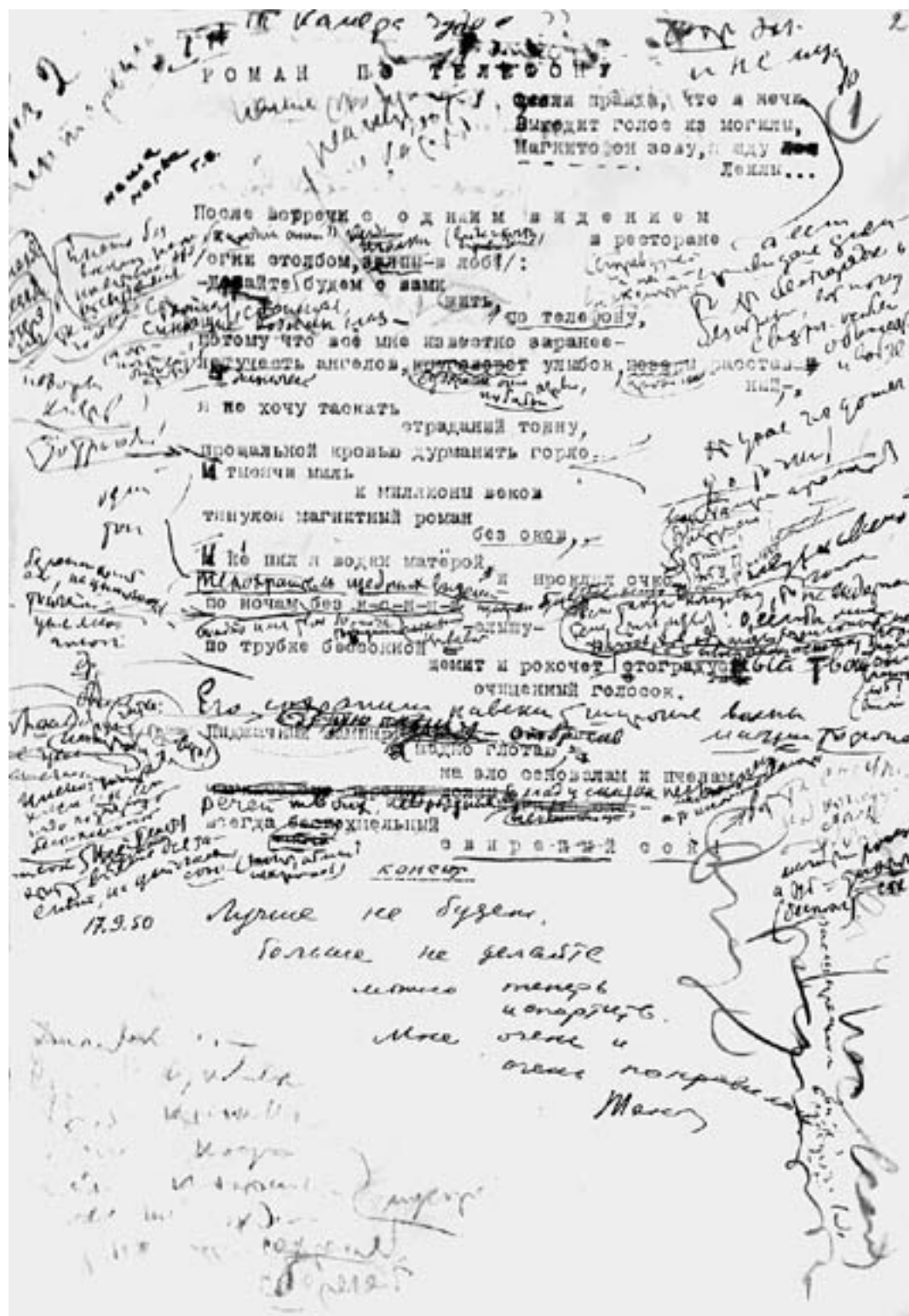
II

«Когда ни днём, ни хмурою ночью...»

Когда ни днём, ни хмурою ночью
не выходит строчек охват, —
бей себя обухом по башке,
как когда-то разъярённый лохмач Зевес —
может быть, выскочит
в полированных латах
со щитом Медузы
грозная мудрость
тяжеловес.

А вы все,
пронырливей гидры,
проходимцы времён,
тощемозглые оравы, стада, миллион,
трижды сожравшие халтуры урожай,
сигайте быстрее в пропасть без имён,
и память о вас ветер раздует,
как трухлявый сарай...

Для чего ж я пишу, множу язвы бессонницы, трепыханья?
Чтобы однажды вечером
За бутылкой высокородного мукузани
прочитать всё подряд
острым друзьям
и стремительной Тане —
пусть жгучею искрой вина,
полыханьем ночей
поэмы
трижды
врезаются
в память!

«Роман по телефону» в сборнике «Избранная лирика для читки. I» (РГАЛИ, фонд А. Кручёных)

III

«После встречи с одним видением в ресторане...»

После встречи с *одним видением* в ресторане:
– Давайте будем с Вами жить по телефону,
потому что всё мне известно заранее,
и не хочу таскать
 страданий тонну!

И тысячи миль
и миллионы веков
тянулся магнитный
роман без оков...
И н е пил я водки матёрой,
и проклял очко,
по ночам без к-о-н-ц-а
 измеряя бессонных бульваров
 кольцо.

IV

«Стройней всех башен в Дели Танахара...»

Стройней всех башен в Дели
Танахара,
седые мифы, параллели —
ей не пара,
она быстрее и строже
меченосной Кали,
не вздумай хмурой ночью,
бандит, её подкалывать.

Во всём ей верно служат
даже джинны —
ходящие под облаками
бульдоги-исполины.

И для неё воздвигнут замок
стооконный,
хитрей прославленной художками
улыбки Джиоконды.

Шутя заткнула чудо-Дельфы
за корсаж,
ей ежедневно строят эльфы
вернисаж.
А служба Аполлона —
пыль отряхать с подола...

Не пересилит башни эти
никакой кумир,
я
вызываю всех поэтов
на турнир!

V

От мокропогоды скрываюсь в старой трущобе

От мокропогоды
скрываюсь в старой трущобе,
в подвалах вина,
отсюда,
сквозь горячую дымовину,
кристаллы Эльбруса,
Татьяна яснейшая
Вдвойне мне видна!..

Я знаю:
здесь, в тяжёлом сундуке,
зарыты чьи-то кружева и руки,
и молят о пощаде в кабаке,
но пьяные картёжники сидят на них
к стенаньям глухи —
у каждого четыре короля зажаты в кулаке.

А за столом широким —
кучею обжоры —
играет злой огонь, севрюжина пятипудовая,
окорока, сардины,
у каждого – распухший ростбиф,
рожа – втрое,
в углу, под крышкою, ступня протезная,
ботинки.

И я стучу о стенку кирпичом,
людей зову я – с ружьями и вилами,
чтобы сундук предстал пред нами нагишом,
чтоб вырыли из душегубища безвинную.

Спасите всех, спасите свет,
во имя Тани,
во имя мощных глаз
и атома сверканий!

VI. Ледяная разлука

Леденящие ночи-разлучницы
страшно близки —
я получаю уже не поцелуи, не письма,
а отписки.
Ещё вчера —
 был Круч
 гремуч,
 кипуч бураном,
теперь
 тону
 в дыму махры,
 колючках задыханья,
от Танахары – не вижу даже
то-нень-кой те-ни я...

На тёмном дне пруда
не шелестят
недвижные и скользкие растения...

Зову:
– Дай вволю выплакаться
на твоём плече,
мне будет пусто,
 но не помочь —
 ничем...

Чу!.. Что это?
Будто листьев дрожанье...
Знакомый шёпот:
– А я помогла!
Таня.
Не скули, Алексеенька,
словно зайчика серенький...
Когда по тёмным морям
ледяными материками
сгинут облака, —
быть может, сама приду к тебе
беспутную душу свою отрыдать...

VII. Разлука на пустырях

Ты стала такой далёкой,
сделалась совсем невесомой
– сумрачных гор протянулась тесьма —
ты стала таинкой,
ветром влекомой, —
не тяжелее письма.

Да и они —
былые курьеры любви —
как видно,
забыты тобою
на до-о-олгие дни...

А мою жажду не залить никакими льдами,
никакой Ниагарой,
так и буду дрожать,
так и буду жариться
на огне, на кострах Танахары!

Э-эх!

Забирай, Танька,
до самых корешков!
В разброде лопочешь дико небыль нелепую,
забываешь метро
и пробродишь пешком
30 километров по колючим пустырям
незаметно.

VIII. Разлука-гром

Я уже не буду кричать на улицах,
и этого не вынесет никакой кабель,
мне теперь никаких настоек не нужно,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.